

[Рец. на: / Review of:] *P. Lane, J. Costa, H. De Korne (eds.). Standardizing minority languages: Competing ideologies of authority and authenticity in the global periphery.* New York, London: Routledge, 2018. viii + 249 pp. ISBN 978-1-138-12512-4.

Николай Борисович Вахтин

Nikolai B. Vakhtin

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; nvakhtin@gmail.com

European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia; Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; nvakhtin@gmail.com

Тема книги — современные процессы стандартизации языков, прежде всего языков меньшинств (миноритарных языков, языков коренного населения). Основная проблема, которую сформулировали ее редакторы-составители, точно и полно обозначена ими в предисловии. Она состоит в следующем: с одной стороны, стандартизация — мощное средство легитимировать язык или даже создать («сконструировать») его из хаоса местных говоров, доказать, что язык — четко отграниченное от других плотное единство (что далеко не всегда правда, но это в данном случае не важно). Стандартный язык катализирует вокруг себя социальные институты — систему образования, систему подготовки школьных учебников, программ и учителей. Стандартный язык значительно повышает социальный статус тех, кто его использует.

С другой стороны, стандартизация ограничивает разнообразие, обуздывает и ставит под контроль языковые и социальные различия. То есть движение за стандартизацию языка одновременно и формирует престижные группы, и ограничивает разнообразие внутри групп. При этом сама идея языкового разнообразия — это основа движения в поддержку миноритарных языков, лозунг которого состоит в том, что все языки одинаково ценны и языковое разнообразие должно бережно сохраняться.

Как следствие, движение за стандартизацию языка, с одной стороны, повышает статус группы, которая на нем говорит, повышает экономические шансы членов этой группы. С другой — такое движение вынужденно отбирает одни формы языка и отвергает другие, обобщает и легитимизирует одни идиомы и отказывается от других и тем самым снижает языковое разнообразие, подавляет одни социальные институты ради других. Это создает языковые стандарты, которым не все способны соответствовать, создает новое неравенство, дающее одной части населения преимущество перед другими. Как писала Сьюзен Гэл [Gal 2006], это порождает двойную стигматизацию для многих носителей миноритарного языка: их язык сохраняет низкий престиж по отношению к государственному языку и в то же время их язык оказывается социально менее престижным, чем другой вариант того же миноритарного языка, который был избран для стандартизации.

Стандартизация миноритарного языка, таким образом, может отвергаться некоторыми участниками этого процесса — членами миноритарной группы, поскольку у стандартного варианта нет привычности и безличности государственного языка, но нет и аутентичности родного миноритарного языка и его способности служить маркером локальности.

Редакторы-составители книги, они же авторы вводной главы, ставят своей целью ответить на вопросы, как различные участники процесса справляются с этими затруднениями, как приходят к общему мнению (если приходят), каковы последствия процесса стандартизации для разных людей, наконец, почему в одних случаях к стандартизации стремятся, а в других — решительно отвергают ее и борются с нею.

Коротко обрисую состав книги. Ее открывает вводная глава «Стандартизация языков меньшинств: воссоздание периферийных языков в XXI веке» («Standardising minority

languages: Reinventing peripheral languages in the 21st century») (авторы James Costa, Haley de Korne, Pia Lane), основная идея которой изложена выше. За ней следуют 10 глав, посвященных различным случаям и проблемам стандартизации ряда языков: баскского (Jacqueline Urla, Estibaliz Amotortu, Ane Ortega, Jone Goirigolzarri), языка скотс (англо-шотландского) в равнинной Шотландии (James Costa), галисийского языка Испании (Bernadette O'Rourke), квенского языка в Северо-Восточной Норвегии (Pia Lane), лимбургского языка в нидерландско-бельгийско-немецком пограничье (Diana M. J. Camps), эвенкийского языка в Восточной Сибири (Lenore A. Grenoble, Н. Я. Булатова), инуитских языков Канады (Donna Patrick, Kumiko Murasugi, Jeela Palluq-Cloutier), сапотекского диалектного континуума в Мексике (Haley de Korne), диалектного континуума манден в Западной Африке (Coleman Donaldson), языка кхоса (isiXhosa, южная подгруппа банту) в ЮАР (Ana Deumert, Nkululeko Mabandla). Книгу завершает очерк теоретического свойства «Надежды и пересмотры языков меньшинств: стандартизация и ее дилеммы» («Visions and revisions of minority languages: Standardization and its dilemmas»), написанная известным теоретиком социолингвистики Сьюзен Гэл.

Почти все главы, помимо описания современной ситуации с тем или иным миноритарным языком, содержат довольно подробные исторические разделы, так что книга может использоваться и как справочник по истории языковой политики в разных уголках мира.

Пересказывать все главы подробно нет смысла: книга доступна в интернете¹, прочитать ее могут все желающие. Остановлюсь на наиболее интересных, с моей точки зрения, фактах и мыслях, которые можно найти на страницах этой книги.

Глава о баскском языке вбирает в себя многие положения книги, поэтому остановлюсь на ней несколько более подробно. Опираясь на идеи Пьера Бурдьё, авторы демонстрируют взаимообратимость языкового, экономического и символического капитала. Речь идет о конфликте между теми носителями стандартного баскского, которые выучили его в школе, и природными носителями разговорного (вернакулярного) баскского. Основной вывод авторов состоит в том, что, хотя носители стандартного баскского и отмечают полезность знания стандартизованного варианта, он не является для них более престижным, чем разговорный вариант, и не способствует повышению их социального статуса в сообществе.

О причинах этого авторы пишут очень осторожно, однако отмечают, что сравнительная «слабость» стандартного варианта может объясняться не только незавершенностью процесса стандартизации и развития социальных функций баскского языка — она может также объясняться характером того общественного движения, которое пропагандировало и поддерживало стандартизацию. Опираясь на известное высказывание К. Вулард («Парадокс кампаний за нормализацию языка состоит в том, что такие кампании — это маркированные попытки сделать язык немаркированным выбором») [Woolard 2008: 319]), авторы отмечают, что выбор стандартного баскского варианта, особенно в испаноязычном окружении, оказывается политизированным и не дает говорящим на нем ожидаемой «анонимности». Вторая причина — в истории борьбы активистов за баскский язык, лозунгом которой был призыв говорить по-баскски; это создало своего рода чувство морального обязательства по отношению к языку. Вопрос, обязан ли человек говорить по-баскски, вызывал бурные споры и отчетливо маркировал различия между более старшими, сознательно выучившими баскский, и молодым поколением, для которых баскский стал естественной частью школьного обучения. Для первых характерно более политизированное отношение к языку, для вторых баскский язык — данность, они не ощущают его как маргинализированный вариант и, соответственно, не считают себя обязанными во всех ситуациях говорить по-баскски.

Как объяснить широкое распространение и принятие стандартного баскского — и при этом явное отсутствие его доминирования в сопоставлении с разговорным (вернакулярным)? Почему стандартный баскский воспринимается скорее как лингва франка для формальных ситуаций, а не как более высокая, более престижная и более правильная форма

¹ <https://www.taylorfrancis.com/books/e/9781317298878>

языка — при том, что стандартная форма обеспечивает доступ к новым рабочим местам, таким как общественный сектор, СМИ и образование, появившимся в результате усилий по стандартизации языка? Очевидно, что простое экономическое объяснение здесь не работает, и авторы предлагают четыре взаимосвязанных объяснения: через языковые идеологии, через ценности солидарности и местной самоидентификации в контексте социальной маргинализации, через политико-экономические факторы и через политические практики.

Рассматривая эти факторы, авторы приходят к отчасти парадоксальному, но очень важному для проблематики книги выводу: подобное противоречивое положение стандартного баскского является во многом результатом популистского характера самого движения за права языка. Популистский характер стандартизации может показаться оксюморонном, однако следует помнить, что это движение началось как часть антиколониальной борьбы и было изначально очень левым, чтобы не сказать экстремистским. Именно это сформировало практики движения за права языков, которое в результате приняло крайне эмоциональную и демократическую до популизма форму борьбы за национальное самоопределение. При этом стандартизация все-таки создает нормы, а не единство; парадоксальным образом процесс стандартизации конструирует в качестве «побочного продукта» нестандартные (или достандартные) варианты языка; задача вдумчивого описания — понять, какими факторами регулируется социальное отношение к стандартным и вернакулярным вариантам.

Глава о языке скотс рассказывает о спорах активистов вокруг проблемы стандартизации: противники ее считают, что вариативность скотс слишком велика для этого и произвольный выбор какого-то одного из локальных вариантов в качестве основы для стандартной формы вызвал бы острые конфликты. Поэтому противники стандартизации, которых сейчас большинство, выступают за так называемый «языковой индивидуализм»: каждый имеет право говорить, как хочет. Однако этот языковой индивидуализм имеет пределы, прежде всего для письменной формы; изучение этого явления в исторической перспективе и в современной Шотландии составляет основное содержание главы.

Дискуссии о статусе языка коренятся в истории, в частности, в неясном статусе скотс, который достаточно близок к стандартному английскому, чтобы считаться его диалектом; мало кто из природных носителей в сегодняшней Шотландии всерьез настаивает на том, что скотс — самостоятельный язык в современном смысле слова. Однако попытки стандартизации в прошлом были, в частности, так называемый «синтетический скотс» — регистр, созданный поэтом Хью МакДиармидом (Hugh MacDiarmid), писавшим на нем стихи. Тем не менее этот регистр, задуманный как нейтральный, быстро стал восприниматься как искусственный, в то время как местные разговорные варианты скотс продолжали ассоциироваться с аутентичностью и локальностью.

Попытки стандартизации продолжаются, и автор детально разбирает одну такую попытку: создание SSS, *Staunirt Scóts Screivín* (стандартного написания скотс), предпринятое местным активистом и лингвистом-любителем. Эта попытка, как и другие, была встречена в штыки другими активистами языкового движения: протест был связан не только с выбором конкретного варианта орфографии, но и с самой идеей стандартизации. Споры, как часто бывает с языками меньшинств, вращаются вокруг понятий права на реформу и аутентичности полученного результата. Основная проблема скотс, по мнению автора, состоит в том, что его носители живут в тесном контакте со стандартным английским, что заставляет их вновь и вновь возвращаться к идее стандартизации.

Глава о лимбургском языке, который в соответствии с Европейской хартией был признан региональным языком, описывает сходную ситуацию: высокая степень региональной вариативности не позволяет однозначно ответить на вопрос, какой именно вариант получил согласно Европейской хартии статус регионального языка; иными словами, встает вопрос о легитимизации языка в международном, национальном и региональном масштабе. По мнению автора, на международном и национальном уровне такая легитимизация возможна через понятие «культурного наследия», а также через стандартизацию (стандартную

орфографию предложил в 2003 г. нидерландский социолингвист Роланд ван Хаут (Roeland van Hout)), однако на региональном и местном уровне легитимизация осуществляется через авторитет (прежде всего авторитет учителя), который использует и трансформирует дискурс культурного наследия в дискурс авторитета (*discourse of expertise*) и различия.

Глава о галисийском языке посвящена метаязыковому дискурсу о языковой ситуации, в которой официальный стандарт *galego normativo*, принятый в образовании и в СМИ, не всегда отражает повседневные коммуникативные практики носителей. Исторический галисийский, как и многие другие региональные варианты, ассоциировался с деревенской, необразованной и бедной средой. После признания автономии Галисии в 1981 г. и принятия закона о языке в 1983 г. началась работа по стандартизации языка — движение за «правильный» галисийский. Эта работа шла трудно, через бурные споры, и часто приводила к расколу среди активистов движения за развитие языка, прежде всего между теми, кто призывал к постепенному переходу Галисии на орфографию, сходную с португальской, и теми, кто стремился к созданию особого галисийского языка со своей письменностью. Эти споры длились несколько десятилетий и сошли на нет лишь в начале нового тысячелетия после того, как в 2003 г. был достигнут компромисс. Утверждение стандартного галисийского и признание его носителями привело к появлению представления о «правильном» галисийском.

История галисийского языка, по мнению автора, показывает, что стандартизация миноритарного языка может приводить к дальнейшей стигматизации его носителей и, как следствие, к дальнейшей утрате языка. С другой стороны, современное положение нестандартных вариантов галисийского, особенно при их использовании молодыми носителями, демонстрирует их новую социальную роль как маркера аутентичности, народности — в противовес официально утверждаемой галисийской культуре.

Глава о квенском языке, северном варианте финского, распространенном в северо-восточных районах Норвегии, наиболее описательная из всех: в ней подробно рассказывается история превращения «нечистого финского говора» в полноценный миноритарный язык, признанный правительством Норвегии в соответствии с Европейской хартией. Автор сама родом из местности, где распространен квенский, в детстве слышала его вокруг себя и понимала, во взрослом возрасте выучила его, и для нее история становления квенского — это личная история, нагруженная эмоциональными оценками.

Отношение носителей квенского к своему языку очень напоминает описанное выше в главе о скотс; это не удивительно, так как в обоих случаях речь идет о разговорном (вернакулярном) варианте языка, существующем в окружении близкородственного стандартизованного варианта; правда, в данном случае стандартный финский — язык соседней страны, но это не меняет дела: носители квенского также делятся на тех, кто считает, что учиться писать нужно на стандартном финском, и тех, кто хотел бы, чтобы новый стандарт учитывал особенности квенского.

Для русскоязычного читателя особый интерес представляет глава о стандартизации миноритарных языков на постсоветском пространстве, прежде всего в Сибири, написанная Ленор Гренобль и Надеждой Булатовой. По мнению авторов, патерналистская централизованная языковая политика советского времени в отношении малых языков Сибири, не учитывавшая мнений и потребностей тех, кто говорил на этих языках, явилась причиной «блистательного провала» стандартизованных вариантов этих языков, созданных в 1930-е гг. Коренное население Сибири оказалось в ситуации, когда все решения относительно их языков принимались в центре, «в Москве», и «спускались» оттуда в периферийные регионы. Поэтому вопрос, принимают коренные жители стандартизацию или отвергают, не имеет смысла: они лишь пассивные объекты таких решений, а не субъекты.

Описав вкратце историю языковой политики и языкового строительства в советский период (прежде всего создание письменностей и конструирование национальностей и национальных языков), авторы переходят к более подробному описанию одного примера — современной ситуации с эвенкийским языком. Основной материал авторов — сайты «Эвенкитека»

и «Эвенгус»², на которых широко обсуждается вопрос о стандартизации эвенкийского языка, распространенного на огромной территории и имеющего значительное диалектное дробление. Они приходят к выводу, что созданный в советскую эпоху искусственный стандартный язык сегодня никем не используется: это «ничей язык»; сам факт, что стандартный вариант поддерживается официально, подрывает его авторитетность. Этот стандартный вариант не сумел занять позицию наддиалектного идиома, потому что (очень важный и очень точный вывод) не сформировалась потребность в письменном эвенкийском языке: пишут исключительно по-русски, писать по-эвенкийски, как и на многих других языках коренных малочисленных народов Сибири и Севера, некому и незачем.

Глава об инуитских языках Канады посвящена преимущественно истории процесса унификации письменности. В Канаде 12 инуитских языков, на которых говорит совокупно около 55 тысяч человек — и при этом официально существует девять различных систем письма, алфавитных и слоговых, что неизбежно ставит на повестку дня унификацию орфографии. Однако с этим согласны не все: некоторые апеллируют к «традиционной культуре инуитов», для которой письменная коммуникация не характерна; введение унифицированной системы письма они воспринимают как гегемонистскую деятельность правительства, как «идеологический проект», навязанный местным сообществам инуитов, которые вообще-то отлично обходятся собственными местными системами письма.

Забавно, что умение пользоваться старыми системами письма, будь то силлабические или алфавитные, которые также были когда-то, в колониальный период, введены извне прежде всего для того, чтобы приобщить инуитов к новым для них институтам — церкви и школе, — воспринимается сегодня как важная составная часть «традиционного инуитского самосознания», а стандартизация (унификация) воспринимается, соответственно, как угроза этим местным «традиционным системам письма» и угроза самосознанию.

Интересна переключка с главой о советских попытках стандартизации: авторы пишут, что аналогичные попытки в Канаде 1950-х–1960-х гг. (попытки заменить силлабическую систему письма алфавитной) провалились ровно по той же причине — из-за отсутствия участия инуитов в этой деятельности. Инуитов «не спросили» — а среди некоторых групп, у которых единственным доступным им текстом для чтения на родном языке была Библия, отказ от силлабики в пользу алфавитного письма воспринимался ни больше ни меньше как искажение слова Божия.

И парадокс парадоксов: авторы, вслед за инуитскими активистами, сожалеют, что, когда (если) будет внедрена унифицированная система письма для всех инуитских языков, это будет означать «утрату местных систем письма», особенно силлабики, поскольку дети станут учить только новую систему. То есть те самые люди, которые призваны создавать стандартную орфографию, считают, что их деятельность ведет к «утрате» традиционных ценностей...

Сапотекские языки в Южной Мексике интересны тем, что их носители имели собственную систему письма (пиктографическую и полуфонетическую) задолго до испанской колонизации. Эта традиция была утрачена в результате завоеваний. Современные попытки стандартизации, как и в других местах, концентрируются здесь на письменной форме языка. Существует два соперничающих варианта нормы: более старый Народный алфавит (Alfabeto Popular) и только сейчас формирующаяся система Национального института языков коренных народов, автор подробно описывает историю создания и лингвистические (орфографические) особенности обоих вариантов. Новая норма старается учесть особенности фонологии сапотекских языков (тоны, модели акцентуации), которые отличают их от испанского; при этом «гипотетический идеальный пользователь» данной системы должен будет осознавать эти фонологические особенности в гораздо больших подробностях, чем их осознают рядовые члены сообщества. Новая норма воспринимается как слишком сложная и, при всей ее положительной оценке, ведет, по мнению автора главы, к усугублению существующего социального неравенства. При этом изучение сапотекских языков, будь

² См. <http://www.evenkiteka.ru/> и <http://www.evengus.ru/>

то в устной или письменной форме, для большинства населения второстепенный вопрос: уметь писать по-испански значительно важнее.

Следующая глава описывает ситуацию с диалектным континуумом манден (бамана, мнинка, дьюла и др.) в Западной Африке — основным лингва франка от Сенегала до Буркина-Фасо. Интерес к созданию письменности для них, как и для многих других африканских миноритарных языков, возник после распада колониальной системы. Этот процесс, однако, не привел к появлению единой орфографической нормы: в настоящее время используются три разные системы письма: арабская, автохтонная система нко и латиница, появившиеся, соответственно, до, во время и после колониальной эры. Сравнить эти три системы письма можно с лингвистических позиций (какая из них точнее отражает фонологические особенности языка), с педагогических (какая удобнее для усвоения), однако автор (как и вся рецензируемая книга в целом) предпочитает социальный, идеологический подход. В главе подробно описывается социальное бытование всех трех систем письма: использование той или иной системы составляет своего рода «метакомментарий» пользователя к собственному социальному статусу.

Любопытны рассуждения автора о «грамотности снизу» (*grassroots literacies*), когда орфографическая норма не спускается сверху, а создается самими пользователями. Как следствие, пишущие обычно не следуют единому орфографическому стандарту, а пользуются так называемой нормализованной моделью, или фактическим стандартом — иначе говоря, пишут «с существенными вариациями» (другое название для письма «с ошибками»).

Глава о южноафриканском языке *кхоса* представляет историю стандартизации как диалектическое взаимодействие «контроля» — формулирования и навязывания норм — и «сопротивления» этим нормам в контексте колониальности (наследия колониализма) и «деколониальности» — преодоления этого наследия. В главе подробно рассказана история описания и стандартизации *кхоса*; этим в XIX — начале XX в. занимались преимущественно миссионеры, а позднее их ученики; автор описывает и появление печатных текстов на *кхоса*, прежде всего газет. Вывод автора: хотя колониализм и сформировал орфографический стандарт *кхоса*, он не затронул содержания письменных текстов, что позволило создать интересную интеллектуальную традицию, сочетающую старое и новое, африканское и европейское, *кхоса* и английское, особый вариант христианства и особый вариант языка, в котором сквозит письменный текст проступает устная африканская традиция.

Книгу завершает глава, написанная Сьюзен Гэл, — своего рода теоретическое заключение, в котором проводится тезис о политическом и идеологическом, а не лингвистическом характере любой языковой стандартизации. Камертоном к главе служит цитата из работы К. Вулард: «Хотя движения за спасение миноритарных языков и пытаются противостоять гегемонии существующих стандартов, они часто поневоле выстраиваются вокруг тех же усвоенных представлений о языке, которые привели к их подавлению... пытаюсь показать реальность, ценность и цельность своих языков, языковые активисты снова навязывают стандарты, пропагандируют правильные формы и употребления и осуждают разнообразие» [Woolard 1998: 17].

Как и другие тексты Сьюзен Гэл, эту главу трудно пересказывать; лучше прочитать ее целиком. Гэл начинает с подробного обсуждения терминов «меньшинство» и «язык» как конструкций, укорененных в «западной» традиции. Ни тот, ни другой термин не очевидны: «меньшинством» объявляется группа людей, посчитанных по какому-то признаку, а этот признак чаще всего навязан извне и политически нагружен; представление о языке как о четко очерченной, гомогенной и структурированной системе, то есть как о стандартизованном языке, также родилось в Европе, политизировано и мало применимо к большинству ситуаций в мире. Вторая часть главы описывает существующие в разных ситуациях различия, как они отражены в идеологическом дискурсе, выражающем различные ценности, заключенные в социальных, языковых и культурных формах, прежде всего то, что Гэл называет «осями различий» (*axes of differentiation*). Эти оси разделяют ценности, которые понимаются как «современные» (универсальность, рациональность

и прогресс) — и противоположные им (конкретность, эмоциональность и традиция). Эти оси структурируют различные регистры языка в противостоящие один другому наборы; используя тот или иной регистр, говорящие не просто выражают свою идентичность — они солидаризируются с тем или иным стереотипом, привязанным к данному регистру. Здесь Гэл следует за известной теорией М. Силверстейна, сформулировавшего понятие «вхождения в регистр» (enregisterment) [Silverstein 2003], которое создает для части носителей ассоциацию между определенными говорящими, событиями, вариантами речи и ценностями.

Третья часть главы возвращает читателя к тем вызовам, которые заключает в себе стандартизация миноритарных языков. Гэл пишет, что главной стратегией активистов языкового строительства является завоевание признания государств и международных организаций, получение официального признания статуса миноритарных языков в этих институтах в рамках существующей мировой системы национальных государств. Чтобы добиться этого, они превращают свои речевые практики в «полноценные языки», как они определены современной идеологией стандартизации. Гэл называет это «фрактальной рекурсивностью» [Irvine, Gal 2000]: активисты миноритарных языков таким образом воспринимают и принимают те самые ценности, с последствиями которых они борются.

Основной вопрос в процессе стандартизации миноритарных языков — это вопрос о власти: кто именно имеет право определять политику и контролировать речь и письмо на этих языках? Это предмет постоянных споров между представителями образованной части коренного населения в самых разных районах мира. Интересы разных групп в области стандартизации не совпадают, их мнения о том, что и как нужно делать, также расходятся. Некоторые настаивают, что язык коренного населения вообще не должны иметь письменной формы: читать и писать нужно на доминирующем языке. Среди тех, кто хочет создания письменной формы для языков меньшинств, нет согласия в отношении того, по каким правилам следует на этих языках писать. Гэл подробно разбирает несколько примеров подобных споров из разных регионов мира.

Что можно считать «удачей» в осуществлении политики стандартизации миноритарного языка? По-видимому, это ситуация, когда в результате усилий по созданию орфографической, грамматической, орфоэпической нормы возникает не просто стандартный языковой вариант, но такой, который становится престижным в глазах носителей этого языка и который носители охотно и активно используют. «Удачный» стандартный язык должен при этом восприниматься носителями как свой, поддерживать их самоидентификацию.

Кажется, что среди всех описанных в книге историй «история со счастливым концом» всего одна — язык кхоса (и, возможно, квенский, однако в главе недостаточно данных, чтобы об этом судить). Все остальные попытки ввести стандартизованный вариант языка, который стал бы престижным для говорящих на местных вариантах этого языка, можно охарактеризовать как неудачи. При этом успех или неуспех предприятия никак не коррелирует с тем, идет ли речь о миноритарном языке, родственном доминирующему (как в случае галисийского или скотс) или неродственном (как в случае инуитских или сапотекских). Ситуация с эвенкийским языком (и шире — с языками коренных малочисленных народов Сибири и Севера) выделяется на фоне остальных по степени централизации: языковое строительство здесь шло почти исключительно «сверху», осуществлялось государством без учета реальных потребностей населения, и, как следствие, провалилось.

Как явствует из рецензируемой книги, проблема стандартизации письменности для группы близкородственных языков в итоге часто сводится к вопросу, ощущают ли носители этих языков себя единой нацией, или, точнее, насколько велико соперничество между разными «элитами» этих групп, и достаточно ли важно для них это соперничество, чтобы интересы элит оказались важнее интересов объединения. Эти разные элиты могут оказаться очень ограниченными количественно, в пределе — состоять каждая из одного человека. Лидеры часто отстаивают даже не право своего варианта стать основой стандартного языка — разные лидеры вполне могут оказаться носителями одного и того же варианта, — а просто собственное право писать, как привычно, и через это — право оставаться единоличным

лидером движения за стандартизацию, которое никогда не приведет к заявленному результату. Неудачи попыток стандартизации объясняются, как кажется, в большинстве случаев тем, что активисты языковых движений не могут договориться друг с другом. Эта ситуация знакома нам и по Сибири — ср. работы Н. Б. Кошкаревой, в частности [Кошкарева 2013].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Кошкарева 2013 — Кошкарева Н. Б. Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник угроведения. 2013. № 3 (14). С. 47–78. [Koshkareva N. B. Topical issues of perfection of the Khanty script and orthography. *Vestnik ugrovedeniya*. 2013. No. 3 (14). Pp. 47–78.]
- Gal 2006 — Gal S. Contradictions of standard language in Europe: Implications for the study of practices and publics. *Social Anthropology*. 2006. No. 14 (2). Pp. 163–181.
- Irvine, Gal 2000 — Irvine J. T., Gal S. Language ideology and linguistic differentiation. *Regimes of language*. P. Kroskrity (ed.). Santa Fe (NM): School for American Research, 2000. Pp. 35–84.
- Silverstein 2003 — Silverstein M. Indexical order and the dialectics of sociolinguistic life. *Language and Communication*. 2003. No. 23. Pp. 193–229.
- Woolard 1998 — Woolard K. Introduction: Language ideology as a field of inquiry. *Language ideologies: Practice and theory*. Schieffelin B, Woolard K., Kroskrity P. (eds.). New York: Oxford Univ. Press, 1998. Pp. 3–50.
- Woolard 2008 — Woolard K. Language and identity choice in Catalonia : The interplay of contrasting ideologies of linguistic authority. *Lengua, nación e identidad: La regulación del plurilingüismo en España y América Latina*. Süselbeck K., Mühlischlegel U., Masson P. (eds.). Madrid: Iberoamericana; Frankfurt am Main: Vervuert, 2008. Pp. 303–323.

Получено / received 06.05.2018

Принято / accepted 14.06.2018